

Валдай

Уже был вечер, когда я подъезжал к Валдаю...

Кто хотя бы раз ездил по трассе, согласится, что природа этих мест чудесная, а ехать за рулем одно удовольствие. По направлению дорога здесь прямая, как стрела. Но вместе с тем она повторяет волнообразный ландшафт и поэтому видны участки трассы на многие километры, а лесистые возвышенности создают эффект театральных боковых кулис, но только подвешенных горизонтально. Когда светит солнце и стелется легкая дымка, то кружится голова от открывающегося простора: перед тобой не один, а множество горизонтов.

Всего этого, однако, не видно в темноте, а удовольствие от вождения автомобиля сменяется на чувство прямо противоположное: надо внимательно глядеть в оба, потому что участок трассы перед Валдаем очень опасный. Дороги наши никак не рассчитаны на то, чтобы по ним ездили ночью, и один из самых очевидных их недостатков тот, что совсем не видно разделительной полосы и такой же полосы, отмечающей край дороги. Отсюда риск съехать на полной скорости в кювет или выехать на встречную полосу и столкнуться с идущим навстречу автотранспортом, который к тому же постоянно слепит. Поэтому ездой в ночное время лучше пренебречь, благо в пути есть где остановиться и переночевать, кстати, без всякой опаски за автомобиль. При гостиницах в Торжке, Валдае и Новгороде есть гаражи.

Миновав дорожные опасности, я свернул с трассы направо, проехал железнодорожный переезд и вскоре оказался в старинном русском городке Валдай, очертания которого определить в вечернее время было невозможно. Поэтому знакомство с городом я решил перенести на утро, а вечер посвятить отдыху в гостиничном номере. Кстати, свободные номера здесь есть всегда, с холодной и горячей водой, ванной или душем, телевизором отечественного производства и,

если это вам необходимо, с телефоном. Стоимость такого номера обычно не превышает двадцати – двадцати пяти долларов, причем пользование гаражом входит в стоимость. Так, во всяком случае, обстоят дела в Валдае. Кроме этого, в гостинице есть буфет, и если вы не слишком привередливы, то он вас вполне устроит.

Вообще, на пути из Москвы в Санкт-Петербург попадается множество различных кафе, закусочных и трактиров. Но из тех, в которых побывал я, могу смело поручиться лишь за кафе турбазы «Спутник», недалеко от Твери, и особенно за кафе-мотель «Коломно», в двадцати километрах от Вышневолочка. А.С.Пушкину в Торжке нравились жареные котлеты, а в кафе «Коломно» тамошние повара готовят на совесть всё, а в особенности – жареную печень...

Итак, заполнив две анкеты «печатным почерком» (таковы требования местных властей к администрации гостиницы) и получив ключи, я переступил порог своего номера.

Вместе со мной в открывшуюся дверь вошел небольшой таракан. Вошел, в отличие от меня, уверенно, что немудрено: шел он все-таки к себе домой, в то время как я здесь лишь на ночь. Приняв с дороги горячий душ, за наличие которого можно простить присутствие в номере даже волков, я направился в буфет, описывать который нет никакой надобности, потому что всякому известно, что такое эти буфеты, с алюминиевыми ложками и вилками, гранеными стаканами, с клеенками и солонками на столах, шумными буфетчицами и такими же шумными мужицкими компаниями, весело пьющими горькую. В тот вечер в меню были сосиски с гречневой кашей...

...Знаете, есть что-то притягательное в этих гостиничных провинциальных буфетах, в этих простецких придорожных столовых. Какая-то мирная вневременная и неменяющаяся обстановка: вот, не спеша, ходит, протирая столы тряпкой, здоровенная тетка; вот рядом такая же здоровая буфетчица, облокотившаяся на прилавок; а вот и люди сидят, такие же с виду здоровые, накалывают на вилки котлеты или сосиски, макают их в горчицу или солонку и едят... И пока жуют – никого не трогают, ничего дурного не вытворяют, а лишь смотрят в одну точку и о чем-то думают. О чем? Наверное, о котлете и думают...

Мы затрагиваем эти, быть может, не очень яркие моменты нашего путешествия лишь для того, чтобы не вызвать у читателя слишком романтизированного о нём представления: да, не обойтись нам без гостиниц с тараканами, без котлет с буфетчицами и без всего прочего, что составляет неотъемлемую часть всякой затянувшейся поездки...

Возвратившись к себе в номер, я решил позвонить домой и сообщить, что со мною все в порядке, что я жив и здоров. Для этой простой процедуры требуется приобрести у портье специальный талончик и уже после этого заказать разговор. Портье оказалась молодой женщиной лет тридцати, у которой, в соответствии с нашими целями и задачами, было бы недурно выведать: действительно ли **«...всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие...»?**

Поэтому я прихватил с собою книжечку Радищева и, когда несложная процедура с приобретением талончика подошла к концу, спросил у портье (назовем ее Верой), как она относится к следующим невинным размышлениям Александра Николаевича о её родном городе:

«Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожжаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молоды, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость валдайских девок сократилась. И хотя они не откажутся и ныне удовлетворить

желаниями путешественника (посмотрел я осуждающе на Веру, – авт.), но прежней наглости в них не видно».

– Так как же все-таки на Валдае обстоят дела с этим самым? Прав или не прав был Александр Николаевич? – спросил я.

– Что, валдайских баранок или девок захотелось? – спросила громко Вера, и я понял, что Радищева она читала внимательно, а на подобный вопрос уже не раз отвечала.

– У нас-то наглости поубавилось, а вот у вас...

– Не надо. Я это зачитал с чисто исследовательской целью...

– А у вас, у мужиков, единственная цель – одна. На всех.

– Неправда, Вера, – произнес я очень серьезно, честно глядя в её лукавые глаза. – Просто, зная, что именно Радищев написал о Валдае, я хочу этот вопрос здесь, так сказать, поднять. Мне и стоящим за моей спиной читателям очень важно знать, насколько это действительно так, и если вы поможете с этим разобраться, то мне больше ничего от вас не надо, а читатели будут вас с благодарностью вспоминать.

И далее я рассказал Вере о том, что за время своей поездки по радищевско-пушкинскому маршруту убеждался, и не раз, что вся жизнь маленьких городов, сел и деревень полностью зависит от женщин, что практически все, с кем мне пришлось разговаривать, – женщины, которые вот в такое трудное время, видимо из чисто инстинктивных соображений спасения нации, вынуждены выходить на первые роли. Я вспомнил Городню, Медное, Выдропужск, Вышний Волочок...

– Вот в этой связи, – подытожил я, – мне и интересен Валдай. А если бы не вы, то я задал бы этот вопрос кому-нибудь другому...

– Не «другому», а «другой», – бесцеремонно поправила меня Вера. – Завтра с утра будет моя сменщица, Ириной зовут, ее и спросите.

– Завтра с утра я буду уже отсюда далеко, – почти пожаловался я на свою зависимость от суровых обстоятельств. – Надо еще во многие места заехать... Меня уже ждут в Яжелбицах.

После этого Вера стала более милосердной и согласилась отвечать на мои вопросы. Видимо, знание мною недалеких отсюда Яжелбиц вызвало ко мне некоторое доверие.

– Женщины цепляются за жизнь в основном потому, что у них есть дети, – рассказывала Вера. – Мужчине что? Пришел домой, лег на

диван – и всё. Есть дома хлеб или нет – его не волнует. Ребенок если и попросит еду, то у матери. В гостинице нашей все женщины практически живут одни, без мужей. И вообще, на Валдае и, наверное, везде жить легче одной. Потому что у женщин и зарплата повыше, и профессия стабильная, и положение более определенное. Женщины более надежны в работе: меньше скачут, а больше работают. Мужчины же сейчас работают главным образом «на подхвате». У нас они в основном шофера в авторемонтном предприятии. Так там денег уже давно не платят. И на других предприятиях тоже. Поэтому всё в нашей жизни – на плечах женщин. Детям ты не объяснишь, что не выдали зарплату. Им надо есть, одеваться... Ребенок идет в школу – завтрак нужен? Нужен. И обед нужен, и ужин... Мать на все пойдет, чтобы дитя сохранить. Но, только ради ребенка. А не ради мужика... У нас огороды, дачи – всё на женщинах. Мужика интересует только бутылка.

– Но, не все же такие, – стал возражать я, имея в виду себя.

– Может, и не все, но вот идешь по улице, и так, чтобы глаз на ком-то остановился, чтобы на кого-то оглянуться, обратить внимание, такого нет. Все они, если честно сказать, грязные, неопрятные... Вот женщина идет на работу, она и одеться стремится покрасивее, и за прической следит, и старается понравиться, хотя может, делает это из последних сил... А мужикам на свой внешний вид наплевать. Было бы что выпить. Так что мы все здесь радуемся, что живем одни, без таких вот «подарков». Хотя для детей, конечно, это утрата.

– Но, скажите, Вера, если откровенно, без мужчины все равно плохо. Ведь есть еще и какие-то чисто физиологические потребности, – робко спросил я, подводя тему вплотную к Радищеву, и выключил диктофон, чтобы не смущать собеседницу.

– Можете не выключать, – без смущения отреагировала Вера.

– Кто это вам сказал, что я обхожусь без мужчины? Вот я работаю в гостинице, и если мне для жизни нужен мужчина, я пойду и себе его найду... Мужчины – как? Они приходят, вот как вы, заводят разговор, хотя бы и про Радищева, потом зовут в номер, потом шампанское... Все это одинаково и заранее известно. Но вам кажется, что это вы нас «снимаете», а на самом деле – «снимаем» мы. Я выбираю, а не наоборот. Я могу и поговорить, вот как с вами, и выпить

шампанского, а потом ведь я решаю: идти в постель или нет. Если мне мужчина не нравится, то никакими шампанскими меня к нему не заманишь. Я ведь не девочка... Но для меня что важно? Вот я приду к такому мужчине на день, на час или на два, и мне никто не скажет, что я сука или что-то в этом роде, как это мужики в семьях своих жен кроют последними словами. Меня и покормят, и приголубят, и скажут, какая я хорошая и красивая... Пусть на два часа, пусть даже это и не искренне, но зато потом этими воспоминаниями я буду жить месяц или два. Надо будет – я еще кого-нибудь найду... Вот вы со мной говорите о литературе, об истории, а значит, считаете меня достойной такого разговора. А с женой вы когда-нибудь говорите на такие темы?

– Не часто, – соврал я.

– Ну вот, а со мной – говорите! Ваша цель, конечно, запудрить мне мозги, но это не важно. Важно, что вы со мной о серьезном говорите, и мне интересно. У меня есть знакомый мужчина, с которым я встречаюсь. Редко, конечно, потому что у него семья. Но я с ним встречусь и дальше живу спокойно, никто мне нервы не треплет по ночам. Я пришла с работы, ложусь и отдыхаю спокойно.

– А замуж за такого, хорошего, вы бы вышли?

– У меня была возможность выйти замуж, и не одна. У меня квартира прекрасная, обставлена, все сделано красиво, кстати, тоже мужчиной. Но жить с ним я не согласилась. Не хочу приносить несчастье человеку, которого все равно не полюблю. Обманывать никого не хочу. Поэтому мне легче жить одной.

– А чем вообще здесь люди живут?

– Раньше были кинотеатры, и люди ходили в кино. Теперь все смотрят «видики». В кино ходить смысла нет. Дом культуры у нас был, но сгорел...

– Когда?! – быстро среагировал я на близкую нашему путешествию «пожарную» тему.

– Под самый Новый год, на 1995-й, – ответила Вера.

– Вот это да!

– Не ясно, то ли его взорвали, то ли сам сгорел... Завтра пойдите и посмотрите. Так вот, есть здесь театр, но я, к своему стыду, еще ни

разу не была, хотя всегда собираюсь. Дискотека есть для ребяташек. И всё... Раньше было хоть что-то. Ребята молодые в основном все пьют.

– А девушки чем занимаются? Проституцией? – вернулся я к изначальной теме.

– А вы мне ответьте: чем отличается б... от проститутки? Разница есть? Вы сможете ответить? – спросила неожиданно и несколько раздраженно Вера.

Я серьезным тоном сказал о том, что проститутка это все-таки профессия, что, вообще, я видел настоящих проституток на Сент-Дени в Париже или на Риппербане в Гамбурге, что они там такие огромные, что их за версту видать, а одеты так, что захочешь – не ошибешься. А вот на наших улицах стоят, так иной раз и не определишь, б... это или проститутка.

– Им деться некуда, – объясняла Вера. – У мамки денег нет. Батяка пьет. А одеться красиво хочется. И вот сейчас пойдите, посмотрите, они у нас на «пьяной» площади у ларьков стоят. Спасибо, что молодая и красивая, подъедет машинка, попросит кто-нибудь прокатиться, дадут денег на косметику или еще что-нибудь – и всё. А кроме того, им это сегодня даже нравится. У них какой-то свой круг общения, общие интересы, опять же занятость, романтика. Дома-то помрешь от скуки...

– Вы их оправдываете?

– Я их не осуждаю... Но это вы, мужчины, до такого довели, что такие девочки вынуждены продавать себя, чтобы нормально жить. И покупатели их, кстати, тоже вы – мужики. Поэтому, не надо никого обвинять в продаже тела, совести или еще чего. Уж как вы её продаёте, так никто нигде не торгует. Я на политиков, на всех этих журналистов с писателями смотреть не могу. Вот они – продают свою душу и совесть на глазах у всех, и ничего. А больше им продавать нечего. Тела их никому не нужны. Зато о морали много говорите. А проститутка продает только тело. Душу свою она бережет. Это вы, мужчины, покупая её тело, душу ей отдаете: ведь любите и поговорить «по душам», и даже поплакаться. А что в христианстве дороже: душа или тело? Мария Магдалина была, между прочим, проституткой, а Воскресение Христа первой признала, раньше вас, мужиков.

– Она все-таки была раскаявшейся! – продемонстрировал я знание вопроса.

– Так и эти бы раскаялись, если бы им встретился Христос. А так, вместо Него – кто? Перед кем каяться-то? – строго сказала Вера и дала понять, что ей надо заниматься уборкой помещения.

– Иди, – сказала она мне, перейдя на «ты». – Я к тем, с кем на такие темы говорю, в постель не иду.

*Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.*

Просидев молча рядом с Верой еще минуту (для приличия), я вышел и через некоторое время уже звонил к себе домой, сообщая, что со мной все в полном порядке...

Валдай – небольшой городок, расположенный в самой высокой части знаменитой Валдайской возвышенности, на берегу большого озера, тоже Валдайского. На одном из островов этого озера находится Иверский монастырь, основанный еще патриархом Никоном в XVII веке. Энциклопедии наши сообщают, что когда-то Валдай был селом Богородицким, принадлежащим этому монастырю, и лишь с середины XVIII века он становится городом Новгородской губернии. Поскольку город стоял на важнейшем тракте, то основным промыслом здесь были ямская гоньба, извоз, содержание постояльцев. Всем известны знаменитые валдайские ямщицкие колокольчики, чей звон раздавался на всех дорогах России и который был воспет во многих художественных произведениях и народном творчестве.

*Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой...*

Литьё колоколов и колокольчиков здесь начато в конце XVIII века на колоколотейном заводе братьев Усачёвых. Славилась также

художественная строчка и кренделя – те самые баранки, которые упоминает Радищев. А вот насчет местных фривольных девиц и бань энциклопедии молчат. Видимо, и без того про валдайских девок все было известно.

В наше время этот городок, население которого составляет не более двадцати тысяч, ничем особенным не отличается. За последние годы он упоминался лишь в связи с курьезным полетом президента России с целью, как утверждалось в прессе, осмотреть окрестности Валдая для организации возможного отдыха. Но на фоне других «курьезов» этот как-то сразу забылся. Не знаю, кому как, но на меня сей городок произвел на этот раз впечатление удручающее. Возможно, летом или ранней осенью действительная картина скрывается за густой листвой деревьев и удивительная природа этих мест скрашивает существующую разруху. Во всяком случае, впечатление моё оказалось много хуже, чем я ожидал.



Объехав несколько раз центр города, я оказался на площади Свободы, куда стекались валдайские «челночники». Они разворачивали палатки, выкладывали товар, привезенный в основном из Москвы, и готовились провести на площади весь день.

Описывать этот челночный товар нет никакого смысла: он одинаков всюду, как одинаковы сами «челночники». К тому же мой взор сразу же остановился на окружавших меня развалинах и прежде всего на бывшем Доме культуры, о котором накануне рассказывала Вера. Я стал фотографировать развалины, и, заметив это, ко мне подошел один из «челночников», торговавших здесь же, рядом. Приняв меня за журналиста, он впопыхах начал рассказывать о случившемся.

– Видите, да?! Это взорвали прямо под самый Новый год. Видите?! Был такой страшный взрыв, просто ужас! Был полный зал народу. Шла молодежная дискотека. И началась страшная паника. Все сразу бросились к окнам. Некоторые стали выбрасывать вещи из гардероба и бросать их в окна. Поднялся страшный крик... Одни вещи спасали, другие, пользуясь паникой, их хватили и убегали. Странно, но погиб всего один человек... Все были пьяными. И милиция, и пожарники, и те, кто горел, и те, кто тушил... Был ведь канун Нового года, полночь... Вы обойдите здание и посмотрите, какой страшный был взрыв.

– А что же руководство ваше? Ведь уже два года прошло.

– А что наше руководство? Валдайские начальнички – что валдайские колокольчики: звенеть – звенят, а больше ничего. Они, знаете, все замяли. Сказали, что это просто пожар был, никакого взрыва. Вот так у нас во всем.

– А что же это было за здание, прежде чем стало Домом культуры? – спросил я.

– Это была церковь, – ответил «челнок».

...Вот и здесь уместно вспомнить хотиловского старичка. И здесь полная неясность. Я спрашивал, казалось, об очевидном, но никто не мог ответить, что именно здесь произошло, хотя почти все живущие неподалеку прибежали во время катастрофы сюда, на площадь. Одни мне



сказали, что никакого взрыва вообще не было; другие – что взорвались бочки с бензином, которые якобы хранил в подвале здания какой-то местный музыкант; третьи вообще поминали нечистую; четвертым было на всё это глубоко наплевать, – словом, ничего определенного я

так и не узнал. Стоят уже почти два года на центральной площади развалины некогда ключевого в валдайской жизни здания, и никому нет до того дела.

И это не единственные развалины. Совсем рядом – еще одна полуразрушенная церковь, судя по всему довольно большая и в прошлом красивая. На её облезшей стене висит табличка с известным содержанием насчет охраны этого архитектурного памятника неким государством... Между этой церковью и взорвавшимся Домом культуры горит «Вечный огонь», в память о павших в Великую Отечественную войнах-валдайцах. По другую сторону сгоревшего ДК – еще одно заброшенное и развалившееся двухэтажное здание. В нем когда-то находился валдайский Дом пионеров. Венчает площадь современное типовое прямоугольно-коричневое здание ресторана. Разруху площади Свободы дополняют многие полуразрушенные дома на Советском проспекте. Фундаментально и благополучно на этом тоскливо-обреченном фоне смотрится лишь огромное здание местной администрации, доставшееся нынешнему валдайскому начальству от прежнего. Кстати, об администрации...

В киоске «Союзпечать» я приобрел местную газету «Валдай», выходящую с 1922 года. Ее нынешний тираж – чуть меньше трех тысяч. Внимание привлекла передовица «Народные избранники», под рубрикой «Местное самоуправление». В этой статье глава Лутовенской сельской администрации В.Иванова рассказывает об опыте введения в деревенскую жизнь института старост. Статья эта служит хорошим материалом для более ясного представления о валдайской и вообще о российской жизни. Тем более что тему старост мы затрагивали в главе «Едрово». Вот эта статья:

«На территории Лутовенской Администрации постоянно проживает около 500 человек. Это сравнительно небольшое население размещается в 13 населенных пунктах. На нашей территории имеется одно предприятие совхоз "Красная звезда". В штате Администрации работают два человека.

Для того, чтобы лучше удовлетворять просьбы населения и теснее осуществлять связь между жителями деревень, отдаленных от центра, на сходах граждан были избраны старосты.

В деревне Кувизино на первом сходе по выбору старосты жители решили, что он им не нужен, но потом поняли, что нет необходимости и

возможности по каждому вопросу ходить в Администрацию, что некоторые вопросы можно решать и на месте. Уже на другом сходе старостой единогласно был избран Алексей Яковлевич Петров. Несмотря на пенсионный возраст, он активно включился в работу, и Администрация поддерживает его в основных вопросах. По просьбе жителей в деревне Кувизино восстановлен водопровод, который не работал два года. Для удовлетворения нужд населения приобретена лошадь, которую содержит староста.

Татьяна Васильевна Матвеева – староста в шести маленьких населенных пунктах: Сиротино, Подбережье, Селилово, Высокуша, Милятино и Карнаухово. Она работает продавцом в магазине. Постоянно люди обращаются к ней то с одной, то с другой просьбой. И она никому ни в чем не отказывает. Приятно слышать слова благодарности в ее адрес, пенсионеры ласково называют ее "наша Танюшка".

Учитель Лутовенской школы Сергей Константинович Храпков – староста в деревне Поломять. Деревня отдалена от центральной усадьбы, и проживают здесь в основном пенсионеры. Сергей Константинович постоянно общается с жителями этой деревни, принимает к сведению все их просьбы, пожелания и передает в Администрацию. В этой деревне назрела необходимость строительства нового моста через реку Поломять, так как имеющийся пришел в негодность. С помощью районной Администрации постараемся решить этот важный для сельских жителей вопрос.

В деревне Сосницы старостой избран молодой энергичный человек Николай Иванович Моков – лесник АО "Валдайлес". Он работает в тесном контакте с населением и сельской Администрацией. С его помощью в деревне произведена очистка колодца, установлены скамейки возле мест ожидания автомагазина, осуществляется доставка дров пенсионерам. Он неукоснительно выполняет все поручения сельской Администрации.

В связи с избранием старост и работа Администрации намного оживилась. Ежемесячно старосты собираются у главы сельской Администрации, рассказывают о своих проблемах и просьбах населения. Мы по мере возможности стараемся реагировать на эти просьбы, но бюджет Администрации не позволяет выполнять работы, связанные с большими денежными затратами. В этом плане мы возлагаем большие надежды на поддержку со стороны районной Администрации».

Из этой примечательной статьи очень многое можно узнать: и о жизни маленьких, мало кому ведомых валдайских деревень, и об их

маленьких (для них, конечно, больших!) проблемах, которые они как-то решают вместе со своими маленькими, на сходах избранными, начальниками-старостами. Здесь и дрова пенсионерам, и колодцы, и скамейки для ожидания автомагазина, и одинокая лошадь «для удовлетворения нужд населения», и слово «Администрация», упоминаемое в небольшой статье аж двенадцать(!) раз и только с большой буквы, и многое другое, что столичному жителю уже и неведомо вовсе или кажется лишь далеким воспоминанием, причем не о нем самом. А названия деревень! А имена и фамилии старост! А речка Поломять! А Татьяна Васильевна Матвеева – «наша Танюшка», что старостой сразу в шести деревнях да продавцом в магазине, да при том еще «никому ни в чем не отказывает»!.. Да тут и филологам, и лингвистам есть над чем поразмышлять, и нашим российским политфутурологам тоже. Мы же с вами все это просто принимаем к сведению, не считая себя вправе обойти стороной, коль скоро заехали в этот до боли знакомый русский край.

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика;
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...*